

— Вы, тюрки, народ сильный, воины у вас отважные, а зерна вдоволь, так что вам полагается наслаждаться самым крепким вином.

Посол вздрогнул. Вино! Да найдется ли в степи хоть один человек, который не любил бы выпить? Это же сулило невероятную выгоду!

Пока посол раздумывал, не припрятать ли ему этот секрет, Хань Шичжи уже продолжил:

— Его Величество также велел передать, что две из этих грамот — подарок вашим сыновьям. Вы можете выбрать ту, что вам больше по душе, и оставить её себе. У нас в избытке и закваски, и необходимой утвари, да и мастеров, которые без дела сидят, немало. Если не побрезгуете, можете забрать их с собой.

Посол просиял:

— Благодарю Его Величество за столь щедрый дар.

Спустя несколько дней тюркский посол с обозом «подарков» отбыл восвояси. Цзи Цзиньжун лично проводил его до дворцовых ворот и весьма радушно приглашал наведаться снова.

Хэ Тай подвел к Цзи Цзиньжуну красного коня, и тот, вернувшись тем же путем, вскоре увидел Чжэньнань-вана, стоявшего у ступеней.

— Ваше Величество, — произнес ван, — завтра я выступаю в поход.

Цзи Цзиньжун посмотрел на него.

— Позвольте мне сегодня ночью постоять на страже у ваших покоев, — попросил Чжэньнань-ван.

Цзи Цзиньжун опешил.

Чжэньнань-ван не сводил с него глаз:

— Как стража Императорской гвардии — постою у ваших дверей всю ночь.

Цзи Цзиньжун весь напрягся. Он вдруг осознал, что упустил из виду множество вещей.

— Завтра в поход... — пробормотал он. Разве можно не спать всю ночь перед дорогой?

— Мне это не помеха, — ответил Чжэньнань-ван, глубоко глядя в глаза императору. — Даже если придется не смыкать глаз десять суток, я не почувствую усталости.

— Глупости! — воскликнул Цзи Цзиньжун.

— Ваше Величество, я уезжаю на несколько месяцев, это единственная моя просьба.

Цзи Цзиньжун притих.

— Буду считать, что вы согласились, — сказал Чжэньнань-ван. Он снял с себя тонкий плащ и накинул на плечи императора. — Осенний ветер прохладен, не простудитесь.

— ...Всего-то несколько шагов до дверей, — пробормотал Цзи Цзиньжун.

Чжэньнань-ван пристально смотрел на него. Цзи Цзиньжун, чувствуя себя неуютно, сдался:

— Хорошо, оставлю. Но когда похолодает еще сильнее... — он не собирался носить этот плащ до самой зимы.

Чжэньнань-ван проявил редкую заботу:

— Слышал, жители Силяна искусны в выделке собольих мехов. Я прикажу людям привезти вам такой.

Весь день Цзи Цзиньжун чувствовал на себе тяжелый взгляд Чжэньнань-вана. К вечеру они, как обычно, сели ужинать. Подавали блюда южной кухни — легкие и нежирные. В последнее время император переел жареного и тушеного, так что такая перемена пришлась ему по вкусу, и он с аппетитом принялся за еду.

Наевшись наполовину, Цзи Цзиньжун заговорил о тюркском после.

Тюрки — кочевники, следующие за водой и травами. Их каган, человек амбициозный, захватил самые тучные земли и возвел столицу, назвав её Хэйша. В свое время тюрки подчинялись Жужани, плавил для них железо, были, так сказать, техническими специалистами. По сравнению с другими кочевыми народами, они лучше владели ремеслами и охотнее учились у жителей Центральных равнин.

К счастью, среди тюрков не было единства. Во-первых, это не единый народ, а конгломерат племен, объединенных лишь общим языком, — это можно использовать. Во-вторых, каган уже не молод, а двое его взрослых сыновей полны амбиций, и отношения между братьями становятся все более натянутыми — это еще один рычаг давления.

Задача Цзи Цзиньжуна — объединить всех, кого можно, и рассорить всех врагов. Тот же посол, на первый взгляд вполне приятный человек, отлично подошел бы на роль союзника. В конце концов, даже если у человека нет честолюбивых помыслов, при удобном случае они обязательно появятся.

Перед Чжэньнань-ваном Цзи Цзиньжун не стал скрывать своей легкой заминки в речи и выложил все свои планы. Раньше его не заботила судьба Великой Ци, но, глядя на Вэй Тинцзюня, Хань Шичжи и других, он понял, что должен что-то предпринять. Невозможно терпеть, как тюрки издеваются над ними! Дошло до того, что земли отдавали, а предшественник вынужден был называть их кагана отцом. Неудивительно, что придворные не могли заставить императора заниматься государственными делами — если император стал сыном, то кто тогда они? Хуже внуков! Даже если суждено погибнуть, нужно хотя бы напоследок дать сдачи.

Цзи Цзиньжун вспомнил о еде, которую упоминал посол, и похвалил:

— Такая вкуснотища... Я бы очень хотел её попробовать.

Чжэньнань-ван мгновенно всё понял:

— Как только освобожусь, непременно устрою так, чтобы вы отведали этого блюда.

Цзи Цзиньжун улыбнулся:

— Именно этого я и ждал.

После ужина император немного позанимался каллиграфией и почувствовал усталость. Чжэньнань-ван приказал принести горячей воды и, не уходя из спальни, сказал:

— Ваше Величество, вы устали, давайте сначала примем ванну.

Цзи Цзиньжун: «.....»

Видя, что ван не собирается уходить, Цзи Цзиньжун махнул рукой и, ничуть не смущаясь, разделся и вошел в воду. Чжэньнань-ван подошел и принялся помогать ему мыть голову и спину. Когда император был вымыт, ван бережно взял его на руки и начал сам вытирать волосы.

Евнухи внесли воду, а затем так же бесшумно исчезли, оставив их вдвоем.

— Ваше Величество, завтра я уезжаю, — сказал Чжэньнань-ван, обнимая его со спины. — Я не могу оставить вас без присмотра.

Цзи Цзиньжун сжал кулаки.

— Даже находясь в четырех стенах, — тихо произнес он, — я не позволил никому причинить себе вред.

Как только слова слетели с его губ, он почувствовал, как Чжэньнань-ван вздрогнул. Цзи Цзиньжун не стал сопротивляться, позволяя стальным объятиям сжаться крепче.

Чжэньнань-ван поцеловал слегка покрасневшее ухо императора:

— Ваше Величество...

Цзи Цзиньжун застыл. Ван не стал оправдываться или давить, лишь вернулся к прежней теме:

— Ваше Величество, позвольте мне размять ваши каналы.

Хотя он и оставит здесь своих самых элитных воинов, а охрана дворца и так надежна, он хотел, чтобы император мог лучше защитить себя сам. В моменты смертельной опасности нельзя полагаться только на других. Голос Чжэньнань-вана был полон искреннего беспокойства, в нем не чувствовалось ни капли вождения.

Цзи Цзиньжун с трудом развернулся и поднял взгляд на вана. Тот поправлял его длинные волосы, словно совсем не торопился получить ответ. Даже если эта ночь — их последняя.

Долгое время спустя Цзи Цзиньжун кивнул:

— Хорошо.

Если речь о «нем», то стесняться нечего. Всякий раз, когда он лежал больной, «он» всегда разминал ему тело, приговаривая, что боится, как бы у него не отнялись силы.

Чжэньнань-ван не отрывал взгляда от императора. Он знал, что его правитель умен: стоило лишь чуть проговориться, как тот сразу догадается обо всем. Получив согласие, он понял, что они вернулись к началу: в глазах Цзи Цзиньжуна он снова стал лишь верным псом. Но он не хотел быть просто псом.

Ван не удержался и коснулся губами глаз императора.

Цзи Цзиньжун вздрогнул, вспыхнул от гнева и заикаясь выругался:

— Т-т-ты! Ты... ты совсем страх потерял!

Чжэньнань-ван крепко держал его за талию:

— Сейчас будет больно. Если не терпится, кричите, только не прикусывайте губу — потом есть будет больно.

Услышав про «есть будет больно», Цзи Цзиньжун тут же разжал зубы. Чжэньнань-ван усмехнулся.

Он нашел первую точку и начал прочищать каналы. Это был метод, которому он обучился в другом мире: движения человека зависят от проходимости каналов, а узловые точки — это места их пересечения. Воздействуя на них, можно сделать тело гибким и ловким — неоценимое преимущество и в стрельбе из лука, и в боевых искусствах.

Поскольку каналы могли быть перекручены или засорены, процедура была мучительной. Цзи Цзиньжун обливался холодным потом, не в силах сдержать слезы, которые градом катились из глаз. Видя, как страдает император, Чжэньнань-ван ускорился, чтобы закончить как можно скорее.

Заметив слезы на щеках императора, он смахнул их поцелуями и укрыл его одеялом. Цзи Цзиньжун, обессиленный, закрыл глаза, притворяясь спящим.

— Ваше Величество, — тихо сказал Чжэньнань-ван. В его голосе звучала бесконечная тоска. — Это самый счастливый день за многие годы. Дни, когда я не видел вас, тянулись так долго, что порой мне казалось, я больше никогда вас не встречу. Ваше Величество, я никогда не смел сказать вам, что у меня на душе. Потому что знал: в вашем сердце я не занимаю особого места. Я был лишь одним из многих — как Чжансунь Мэн или Хань Шичжи, которые оказались рядом, когда вы в них нуждались.

Веки Цзи Цзиньжуна дрогнули, но он не открыл глаз.

— Ваше Величество, я сожалею, — продолжал ван. — Сожалею, что не сказал вам этого раньше. Каждую ночь я корил себя. Как вы сами когда-то учили меня: того, за что не борешься, никогда не получишь. Мне следовало признаться, следовало постараться стать тем самым единственным человеком в вашем сердце.

Цзи Цзиньжун открыл глаза и встретился с ним взглядом. Чжэньнань-ван сжал его ладонь:

— Ваше Величество, я больше не хочу жалеть о несказанном.

Цзи Цзиньжун помедлил, а затем медленно сжал руку вана в ответ. Чжэньнань-вана охватил восторг.

— Вы устали, спите, — прошептал он.

Цзи Цзиньжун снова закрыл глаза. Чжэньнань-ван не отпускал его руку, пока дыхание императора не стало ровным и глубоким. Лишь тогда он встал, облачился в доспехи, опоясался мечом и вышел за дверь.

Лунный свет заливал двор, но осенний ветер был холоден. Сегодня на страже стоял Чжансунь Мэн; он вытянулся в струнку, лицо его было непроницаемо.

— Свободен, — бросил Чжэньнань-ван.

Чжансунь Мэн вздрогнул. Несмотря на подавляющую ауру вана, он набрался смелости:

— Моя очередь стоять в дозоре, я не могу покинуть пост.

— Сегодня я буду на страже, — ответил Чжэньнань-ван.

Чжансунь Мэн хотел возразить, но, встретившись с его взглядом, почувствовал, как по спине пробежал холодок. Если даже император не смог прогнать вана, что уж говорить о нем? Пришлось отступить, сгорая от ярости.

Он не пошел отдыхать, а поменялся местами с другим гвардейцем, чтобы оставаться неподалеку и следить за покоями императора. Он наострил уши: если там что-то случится, он тут же ворвется внутрь!

Но Чжэньнань-ван больше не входил. Он встал у дверей, положив руку на рукоять меча, и всматривался в темноту, словно и вправду охранял покой императора.

Цзи Цзиньжун внутри спальни перевернулся на другой бок и сквозь складки занавесей посмотрел на дверь. Высокая, стройная тень застыла на полотне, не шелохнувшись, словно стояла так уже тысячи лет.

Он закрыл глаза, открыл их, снова закрыл. Мысли уносились прочь.

Тогда было так же. Всякий раз, когда он болел, Вэй Тинцзюнь никому не доверял и ночами дежурил у его дверей. Сначала он и вправду считал его лишь полезным инструментом, но Вэй Тинцзюнь был таким глупым... глупым настолько, что Цзи Цзиньжуну становилось жаль его.

Услышав просьбу о «ночном дозоре», он всё понял. Понял, кого имел в виду Вэй Тинцзюнь, когда в порыве отчаяния проговорился о «возлюбленном», понял, на кого смотрит Чжэньнань-ван сквозь эту оболочку, понял, почему Вэй Тинцзюнь не мог найти покоя даже после смерти, и, наконец, понял, почему сам оказался здесь.

Этот узел завязался из-за него, и только ему суждено его развязать.

На следующий день армия выступила в поход. Цзи Цзиньжун провожал их со стены крепости.

Перед этим он распорядился распространить вести о зверствах на западной границе. Многие жители уже слышали о пожарах и грабежах, видели беженцев, изможденных голодом, с глубокими ранами на телах — зрелище поистине жалкое. А когда поползли слухи, что Силян хочет захватить долину, народ пришел в ярость.

Сегодня, когда Чжэньнань-ван отправлялся на запад, люди высыпали на улицы, теснясь друг к другу, чтобы проводить воинов.

Чжэньнань-ван во главе Черной Конницы выехал из ворот. У самого выезда он развернул коня и посмотрел на Цзи Цзиньжуна, стоявшего на крепостной стене.

Император был в официальном облачении — черном с красным узором, в котором обычно отправлялись на осеннюю охоту. Они обменялись долгим взглядом, после чего Цзи Цзиньжун приказал бить в барабаны.

Бум! Бум! Бум!

Глухой, мощный гул разносился по ветру, отзываясь в сердцах каждого жителя. Люди затаили дыхание, вглядываясь в высоту, надеясь хоть краем глаза увидеть нового императора — ведь многие видели его впервые!

Придворные, стоявшие неподалеку, чувствовали, как барабанный бой сотрясает их до самых костей. Они переводили взгляд с императора на вана за воротами и вдруг осознали: всё изменилось. И Чжэньнань-ван стал другим, и новый император — тем более.

Гул нарастал, и вдруг Цзи Цзиньжун запел, и голос его, пусть негромкий, прорезал воздух:

— Разве скажем, что нет у нас платья? С тобой вместе делим мы халат! Царь призывает войско, точим копья и мечи — с тобой вместе разделим мы гнев!

Воины выстраивались в ряды, их взоры были прикованы к императору. Необъяснимая отвага наполняла их грудь, а сердца — решимостью.

Беженцы с западных земель подхватили песню:

— Разве скажем, что нет у нас платья? С тобой вместе делим мы халат! Царь призывает войско, точим копья и мечи — с тобой вместе разделим мы гнев!

Голоса становились всё громче, заглушая барабаны. Многие плакали, вспоминая годы унижений: как тюрки захватили Яньбэй, как силянцы грабили их земли, как вспыхивали восстания в южных областях. Слишком много ударов судьбы пришлось на их долю, почти сломив их дух. Они прятались в столице, дрожа за свои жизни, и при любом вторжении могли лишь молить о мире.

Воины проливали кровь на границах, а стоило кому-то в столице пошевелить языком — и земли отдавались врагу. Это был их Яньбэй! А теперь Силян пришел за их долиной! За той долиной, где была плодородная земля, тучные травы, где паслись их стада!

Один из ученых мужей, сидя прямо на земле, зарыдал, подпевая:

— Разве скажем, что нет у нас платья? С тобой вместе делим мы доспех! Царь призывает войско, точим копья и алебарды — с тобой вместе пойдем мы в поход! Разве скажем, что нет у нас платья? С тобой вместе делим мы одеяния! Царь призывает войско, чиним щиты и латы — с тобой вместе мы выступим в путь!

— С тобой вместе выступим в путь! — кричал он, заливаясь слезами. — С тобой вместе!

Барабаны пробили трижды и смолкли. Чжэньнань-ван слышал, что голос императора к концу охрип. Осенний ветер был силен, а император стоял так высоко... Сердце вана сжалось от жалости. Он был счастлив одним лишь тем, что вчера ночью Цзи Цзиньжун сжал его руку, и теперь ему не хотелось, чтобы император так себя изнурял.

Чжэньнань-ван отдал приказ выступать. Цзи Цзиньжун провожал его взглядом, пока армия не скрылась из виду.

Песня «Без платья» не совсем подходила для случая, но это была первая боевая песня, которой он учил «его» грамоте. Теперь, когда ван ушел надолго, он не мог сидеть сложа руки. Народная поддержка и боевой дух — вот что он мог дать. Конечно, дух не поднять одной песней, а сердца людей не завоевать лишь грохотом барабанов. Это лишь малая часть. Он возьмет на себя тыл, обеспечит армию лучшим оружием и провизией. Пусть не всегда будет мясо, но голодными воины не останутся!

Цзи Цзиньжун не стал задерживаться и покинул стену. Чжансунь Мэн и Хань Шичжи двинулись следом.

Чжэньнань-ван ушел на три месяца. Тем временем из тюркских земель приходили хорошие вести: Фэй Ин тайно переправлял в Ци мастеров — виноделов, ювелиров, ткачей. Если бы не упрямство Цзи Цзиньжуна, Фэй Ин попытался бы увезти и партию женщин из Центральных равнин.

В это время в Хэйша прибыл посол Силяна, моля о помощи. Фэй Ин перехватил его и, прежде чем позволить увидеть кагана, отобрал половину красавиц, присланных в дар.

Вспоминая того юного императора, Фэй Ин не мог не сравнить его с правителем Силяна. По сравнению с тем, силянский император вызывал лишь презрение — взглянуть хотя бы на то, как его послы пресмыкались! Особенно унижительно было то, что они торговали собственными женщинами, чтобы задобрить чужаков. В степи даже последний трус не поступил бы так — там своих женщин берегли, а те, кто не мог защитить свою семью, не считались мужчинами.

Фэй Ин позвал младшего сына. Тот был малым смышленным: получив от Цзи Цзиньжуна рецепт, он открыл винокурню, которая в первый же месяц принесла огромную прибыль. На эти деньги он занялся игорными домами и аренами для боев.

Фэй Ин отдал ему красавиц из Силяна: пусть оставляет себе, если приглянутся, или отправляет в свои заведения. Сын, не скрывая радости, спросил:

— Отец, как думаешь, брат обрадуется, узнав об этом?

Фэй Ин нахмурился:

— Конечно, нет. Но какая разница?

— У нас в семье разлад, — тихо произнес сын, — и у кагана в семье то же самое. Он слишком любит младшего, из-за чего братья враждуют. Если мы еще сильнее раздуем этот пожар, то сможем ловить рыбу в мутной воде и открыто укреплять свои позиции.

Фэй Ин задумался:

— Нужно всё тщательно обдумать.

— Игорные дома и арены работают уже месяц, оба брата там бывали: старший любит арену, младший — игорные дома. Мы можем подослать к ним людей и действовать по ситуации!

Фэй Ин одобрил план. По сравнению со старшим сыном, храбрым, но недалеким, он всегда предпочитал младшего — поэтому только он мог догадываться о зарождающихся амбициях отца.

А вот послу Силяна не повезло: сперва он столкнулся с Фэй Ином, а потом со старшим сыном кагана. Тот как раз искал, на ком сорвать злость, и, увидев посла, тут же воскликнул:

— Не бойтесь, я лично поведу людей вам на помощь!

<http://bllate.org/book/22178/2310781>